

Фельетон

Вещий сон

Директору Ереванского театра музыкальной комедии Тачату Тиграновичу Вартазару приснился сон. Этот сон был удивительно длинным, а действующих лиц в нем было больше, чем даже в бесконечной пьесе «Женитьба». Связь с директором, что он спит в венском лесу под раскаты деревьев и под музыкальное пыхтание птиц, поспытывает долом от спектакля «Арши мал-яла». Неожиданно перед ним повывис в домашнем халате автор оперетты «Цыганский барон» композитор Штраус. Мечтательно прислушиваясь к причудливым птичьим голосам, он рассеянно оглядел директора и спросил:

— Скажите, вы, кажется, директор театра оперетты? — поправила его директор.

— Музыковед? — переспросила с тонкой улыбкой Штраус. — А разве есть какая-нибудь разница между опереттой и музыковедом?

— Видите ли... понимаете ли... — замесился директор. — Простите, я завтра справлюсь об этом и вам сообщу.

— Не извольте беспокоиться, — вежливо сказал Штраус. — Я уже выяснил, что по своему жанру это абсолютно одно и то же.

— Правильно, — подтвердила директор. — А если правильно, то почему вы преподаете в школе почти десятком из преподавателей, написавших для драматического театра?

— А бог его знает! В этом театре вообще все запутано. А впрочем, ирреально мы ставим и оперетты. Например, ашу... — Знаю, знаю. Знаю и то, что вы искалечили моего «Цыганского барона». Вы бесцеремонно совратили в деревенский шельм музыкальные куски. Кроме того, выкинули популярнейшую арию Зулана. Скажите, это правда, — с любознательством спросил Штраус. — что в библиотеке нашего театра царит такой беспорядок, что мыши грызут ноты?

— Правда, — востаново ответила директор.

— Ну, теперь я все понимаю. Очевидно, арию Зулана съели мыши.

— Что вы, что вы! — запротестовала Тачат Тиграновича, эту арию она еще не трогала. А не исполняют мы ее по совершенно другой причине. Петя некому.

— Ну, в таком случае не надо и оперетты ставить! — сказала Штраус. — Вы, очевидно, забыли, что для оперетты нужны певцы.

— А где у них возьмуть? — влохнул директор. — Иду яшем с фонарем.

— Тут не фонари нужны, а репертуар! — наставительно заметил Штраус. — Тогда и певцы появятся. Вообще нельзя так бесцеремонно обращаться с музыкой. Говорят, что у вас даже рояль без ножек. На чем же он держится?

— Табуреточки подкладываем, — сказала директор. — это гораздо прочнее, чем ножки.

— Удивительной! Между прочим, мне говорили, что некоторые ваши певцы даже не знают нот. Как же они поют?

— Да так, знаете, вслапую. Получается неплохо.

— Очень странно! — сказала Штраус. Директор грустно опустил голову, а когда поднял ее, то увидел, что Штраус везет, и на его месте стоит автор «Баядера» композитор Кальман.

И тут произошло следующее диалог: — Скажите, что это вы ухаживаете за мою «Баядеру»? Какой она имеет отношение к вашему драматическому театру?

— Позвольте, но она мне очень нравится. В частности, помните, эта ария: «О, баядера, та-ра-рам, та-ра-рам...»

— Мало ли кто кому нравится! А петля-то что будет? Надеюсь, не им с вами? Кроме того, меня удивляет положение вещей в вашем оркестре. Говорят, что вы иногда набираете музыкантов чуть ли не за час до спектакля?

— Это не все. Только так называемых развозиков. Ничего не поделишь, не хватает средств.

— И вотному вы тратите на этих развозиков от трех до четырех тысяч в месяц? Очень странно. Кстати, обратите мне, что это за «экономические» методы в вашем театре?

— А что случилось?

— Говорят, что так как в моей оперетте фигурирует индийский раджа, во время

визита диретто было внесено предложение исполнять в третьем акте «Баядера» песенку «Авара» из кинофильма «Бродяга. Это правда?»

— Что правда, то правда. Наш уполномоченный по распространению билетов даже обещал публике, что она услышит в «Баядере» песенку «Авара». Но мы воздержались от этого.

— Ну, ладно, спасибо и на этом, — усмехнулся Кальман и внезапно исчез.

Директор облетело вздохнул, но вдруг заметил, что рядом с ним на железной тропке сидит армянская классика Габриэл Сундукян и Алоп Паронян. Оба писателя были сильно взволнованы.

— Скажите, — сказал директор строгом тоном Сундукян, — как вы могли допустить, чтобы действующая лица из моей комедии «Банный узел» перекочевали в другую комедию «Оскар Петрович в аду»?

— Даю вам слово, — сказал директор, — что я всегда был против того, чтобы они попали в ад.

— Он сам попадет в ад, — сказал Паронян, указывая тросточкой на директора, и добавил: — Это у них в театре давно практикуется. Было время, когда действующая лица моей комедии «Летучий голландец» перетаскивали в оперетту Чухчаджана «Ледяная», то были «Карина». Ну, скажите, разве можно так гонять людей на одной пьесе в другую?

— Позвольте, это не я виноват, — робко заявил директор.

— Не оправдывайтесь, — наставительно заметил Паронян. — Интересно, что бы вы сказали, если б увидели в «Революр» дощку горюничего в обществе Евгения Омегиня? Ведь это совершенно то же самое.

— Вообще я не могу понять, какое отношение имеют мои пьесы к этому театру оперетты? — заявила Сундукян, обращаясь к Пароняну. — И потом, ты заметил, Алоп, какой беспорядок царит у них на сцене и за кулисами? Артисты впадают в припадочку, опаламывают на выходы спектакля начинают с опозданием на подчас. Крутым гравю, неотранным режиссером не обновляется, парки никогда не моются, мебель поломана.

— Это правильно, — согласился директор, — я даже в докладке своем отметил, что это, наваро, единственный в Советском Союзе театр, где так безжалостно обращаются с государственным имуществом.

— Заявления достаточно самостоятельное, — одобрительно воскликнул Паронян, — по почему вы все-таки не следите за порядком?

— Видяте ли, — сказал директор, — меня очень отвлекает режиссерская работа.

— Кроме того, вы слишком увлекаетесь игрой в домино, — заявил Сундукян, — на работе надо заниматься делом.

Позвольте, — обижено сказал директор, — но ведь я только недавно поставил пьесу «Женитьба».

Знаете эту пьесу, — добродушно усмехнулся Паронян. — Кстати, не могу понять, почему вы так неестественно место ставите этой спектакля? Между прочим, — добавил Паронян, — совмещайте для этой пьесы тексты песен весьма неудачно.

— И постановки не блестящ, — с прамотой, прусской классиком, заявил Сундукян. — Скажите, а почему бы вам не подумать о создании настоящих национальных оперетт?

— Поразительно вялая! — возмущился директор. — Обязательно займусь этим. А впрочем, — с воодушевлением добавил директор, — я как раз сейчас собираюсь обработать его в оперетту.

— Да вы, оказывается, в драматургу? — спросил Сундукян.

— Немного, — скромно ответил директор.

— Это весьма возможно, — вежливо заметил Паронян, — сейчас вообще много драматургов.

— Жаль, что ваш театр не имеет художественного руководителя, — сказал Сундукян.

— Видяте ли, — скромно потупил глаза директор, — мне самому как-то неудобно говорить на эту тему.

Гаджибекю, — в руководит театром оперетты в хочу вам дать совет.

— Буду очень благодарен, — откликнулся директор.

— Вы уплатили двум уполномоченным по распространению билетов за год 37 тысяч рублей. Это почти в два с половиной раза больше, чем получает народный артист, — сказал Гаджибекю.

— Правильно, — подтвердил Тачат Тигранович.

— Зачем же вы платили им за распространение билетов на спектакль «Арши мал-яла»? Ведь сама оперетта тупая, что без их помощи билеты раскупились, как говорится, «с бою». Почему вы не экономите государственные средства? — с упреком добавил Гаджибекю и неожиданно растерялся в воздухе.

— Боже мой, — с тревогой подумал директор, — что это их всех на меня потянуло? Надо утончить, пока сюда не вылились и все остальные авторы. Ведь могут прийти с претензиями в Голдони, и Лопе де Вега... А если, не дай бог, явятся Дунавский с Малютиным, что я им отвечу? Это тебе не покойники! Могут еще пожаловаться в министерство. Ведь я совершенно перестал ставить советские оперетты. А впрочем, — усложил сам себя директор, — всем известно, что я всегда стремился укрепить идею наш репертуар. Вот недавно поставил «Арши мал-яла», сейчас готовлю «Баядеру». После этого перейду и пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» и оперетте Кальмана «Фаняля Моисеяра». А там добровольно и до современного репертуара.

Директор болро встал из места, но вдруг заметил направляющуюся к нему группу каких-то людей. Выглядевшие внимательно, он с ужасом узнал в них армянских композиторов.

— Нет! Это уже выше моих сил, — нервно воскликнул директор и юркнул в кусты.

Затившись в кустах, он вдруг заметил над собой, в большом дереве, громадную, необыкновенную по своим размерам книгу. Эта была «Книга приказов» Ереванского театра музыкальной.

Затяв дыхание, директор следил за тем, как ветерок важно переворачивает страницы книги, и читал:

«Приказ № 91... увольте ва., приказ № 40... от представления постановки «У романика», приказ № 3... увольте с работ... приказ № 152... опоздания, безобразная дисциплина...»

Написанных приказов было много, а опасениям безобразий еще больше.

Вдруг книга сорвалась с дерева, директор от страха зажмурил глаза и... проснулся. Ереванское солнце ярко светило в окна.

«Товарищи — товарищи скорее директор в своем докладе. (Привычно восторженно выдерживая паузу). — Слушаюсь как-то, что некоторые артисты меня покривокончили и я, признаться, обиделся. Глубоко обиделся. А говорящая она слушающая: «Почему, моя директор, не игра в шахматы в домино? Не делай, не делай, а прямо превратил в систему? Разве нет у нас другого горла? Так вот хочу вам, товарищи, сказать: игра в шахматы и домино не только не является пороком, но это вопрос дарования, показывая коллективной стабильности. Это — культура! Это — система, не давшая возможности людям заниматься слепляями. Однако, учитывая, что это занятия не только сопряжены с ругательствами. В противоположность всем директорам, в целом хороших шахматистов и доминоистов. Надо организовать турниры! (Оживление среди артистов-доминоистов). А впрочем, продолжил директор, вспоминая отдаленные подробности из своего сна, — я должен был бы принять критику. Сейчас не время мне играть в домино, есть дела поважнее. (Особорительные восклицания артистов-недоминоистов). Было время, — рассказывал директор, — когда пресса обрушилась на нас со всех сторон и я, как директор, не знал, что делать и как избавиться от всех фельетонов. А теперь, — трепетно добавил он, — теперь все газетки почему-то молчат. (Сочувственные вздохи доминоистов и недоминоистов). Ничего, товарищи, — добавил директор, — будем терпеть и это!»

Не надо терпеть, товарищи директор! Мы не хотим испытывать ваше терпение. И поэтому предлагаем вашему вниманию этот этюд с натуры.

Артемий ЛЯВАЗЯН.